

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжан Я. К вопросу о теме дуэли в романе «Капитанская дочка» А. С. Пушкина // Litera. 2024. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.71171 EDN: XEPZFS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71171

К вопросу о теме дуэли в романе «Капитанская дочка» А. С. Пушкина

Чжан Явень

аспирант; кафедра истории русской литературы; Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ daniazhang317@gmail.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.7.71171

EDN:

XEPZFS

Дата направления статьи в редакцию:

28-06-2024

Дата публикации:

05-07-2024

Аннотация: Данная статья посвящена изучению темы дуэли в романе «Капитанская дочка» А. С. Пушкина. Цель статьи – выявить художественную функциональность дуэльного эпизода между Гриневым и Швабриным (в 3-й и 4-й главах романа). «Капитанская дочка» как одно из самых значимых произведений А. С. Пушкина не выходит из фокуса внимания отечественной и зарубежной науки, однако до сих пор проведено мало специальных исследований, посвященных идейно-смысловому содержанию темы дуэли в этом романе. В основе концепции данной статьи лежит понимание, что пушкинский историзм не просто обозначает точное воссоздание прошлого, но и часто отражает осмысление писателем настоящего – именно это составляет непосредственную теоретическую предпосылку для двойного истолкования смысла дуэли в романе. Методологическая основа опирается на анализ произведения с учетом литературного, исторического, биографически-бытового контекстов,

используются такие научные методы, как культурно-исторический, социологический, герменевтический, и аксиологический. Основной вывод исследования заключается в том, что дуэльная сцена не только является воссозданием ситуации периферийного бытового поединка во время Пугачевского восстания, но и оказывается своего рода изображением иного волнующего Пушкина обстоятельства – нравственного кризиса дворянского сословия в 1830 гг., и в завершенном Гриневым действии содержится призыв писателя к чести. Научная новизна статьи обусловлена новым подходом к исследуемому предмету: впервые осуществлена двойная интерпретация значения описанной дуэли между Гриневым и Швабриным, акцентируется внимание на чести как ключевом концепте, позволяющем связать историю и современность в творчестве писателя. Таким образом, исследование вносит значительный вклад в понимание художественной функциональности дуэли в романе «Капитанская дочка» и расширяет представление о художественном мире А. С. Пушкина.

Ключевые слова:

дуэль, честь, дворянство, нравственный кризис, история и современность, Гринев, Швабрин, герои-двойники, Пушкин, Капитанская дочка

Роман «Капитанская дочка» – «одно из наиболее совершенных и глубоких созданий Пушкина» [\[1, с. 212\]](#), «итог его идейных и творческих исканий» [\[2, с. 169\]](#). Несмотря на небольшой объем, его жанр определяется многими учеными как «исторический роман» (например: [\[3, с. 21\]](#); [\[4, с. 191\]](#)), и важнейшим вопросом, поднятым писателем в этом романе, обычно считается вопрос об историко-политическом значении и смысле восстания Пугачева (об этом см.: [\[4, с. 200\]](#)).

Статья Ю.М. Лотмана «Идейная структура "Капитанской дочки"» внесла важный вклад в понимание смысла романа. Ученый разделяет «художественную ткань» романа на «два идейно-стилистических пласта» (или мира) – дворянский и крестьянский, и утверждает, что Пушкин осознает «невозможность примирения враждующих сторон и неизбежность кровавой и истребительной гражданской войны», так как они проистекают не из личных качеств вождей обеих сторон, а от «столкновения непримиримых социальных концепций», в этом «роковом трагизме» обе стороны «имеют свою классовую правду». Лотман выдвигает гипотезу о том, что настоящий пафос романа заключается в возвышении «гуманности и человеческого достоинства» над социально-исторической условностью (см.: [\[1, с. 212–227\]](#)). Разделяя мнение Лотмана, мы акцентируем внимание на конфликте между Гриневым и Швабриным, закончившемся дуэлью, считая, что его идейно-смысловое содержание не выявлено с достаточной полнотой.

Отметим, что именно Петруша Гринев, этот дворянский «недоросль», занимает *нейтральное* положение в системе героев, стоя в стороне, «ни в одном из современных ему лагерей он не растворяется полностью» [\[1, с. 227\]](#). Это неизбежно ведет нас к сопоставлению его с образом Швабрина, который тоже является дворянином, однако «пришелся» к обоим лагерям. Существенное различие между ними замечается сразу в 3-й и 4-й главах романа, где герои поначалу быстро подружились, затем категорически разошлись из-за непреодолимых внутренних противоречий.

В исследовательской литературе конфликт между Гриневым и Швабриным истолкуется как противопоставление «развращенного, циничного представителя верхушки

дворянства, зараженного скептицизмом ("вольтерьянство")» [\[2, с. 193\]](#) и недоросля из старинной семьи, хранящей традиционные моральные устои. Образ Швабрина, в отличие от благородного Гринёва, представлен как «интриган» [\[6, с. 213\]](#), «иммориалист» [\[7, с. 323\]](#), персонаж целиком «отрицательный» (см.: [\[8, с. 57\]](#), [\[9, с. 393\]](#)). Более того, сам дуэльный эпизод вызывает отдельно исследовательский интерес, прежде всего, в связи с показанным в нем «столкновением понятий двух эпох» [\[10, с. 23\]](#) – доказательство мастерства пушкинского «историзма», писатель нигде не прямо сообщает о социальной обусловленности персонажей, но показывает «их психологию, поведение, мысли, поступки как результат воздействия социальной среды» [\[6, с. 172\]](#).

По мнению Я. А. Гордина, весь эпизод дуэли на первый взгляд показано «как пародия на дуэльный сюжет и на самую идею дуэли», на самом деле, это совсем не так. Героическое поведение Гринёва изображено в тексте иронически потому, что его окружают люди, выросшие в другие времена, которые не понимают и не воспринимают «дуэльную идею как необходимый атрибут дворянского жизненного стиля». Да и сам Гринёв едва ли имеет ясное представление о дуэли, однако он уже ощущает свое право на поединок ради достоинства и чести; а проявленная как бы хладнокровность Швабрина (он предлагает обойтись без секундантов) не означает, что он злодей, дело скорее в том, что в то время «дуэльный кодекс еще размыт и неопределен» (см.: [\[10, с. 23-27\]](#)).

Признавая справедливость приведенных выше замечаний, нужно подчеркнуть, что «в "Капитанской дочке" история и современность связаны в единый нерасторжимый узел» [\[11, с. 287\]](#), «история для Пушкина – источник понимания настоящего и ключ к предугадыванию будущего» [\[12, с. 195\]](#). Показанный дуэльный эпизод в романе не только является воссозданием ситуации периферийного бытового поединка, входящего в широкую историческую панораму России во время Пугачевского восстания, но и можно рассмотреть его как своего рода изображение иного волнующего Пушкина обстоятельства – нравственного кризиса дворянского сословия в 1830 гг., и в завершённом Гринёвым действии содержится искренний призыв Пушкина к «честью» – заветное слово, появившееся в эпиграфе ко всему роману («Береги честь смолоду») [\[13, с. 258\]](#). Для выяснения основной позиции данной статьи необходимо обратиться к следующим аспектам проблематики: 1) отношение Пушкина к дворянству; 2) отражение нравственного кризиса дворянства 1830 гг. в изменении дуэльного сознания; 3) пушкинское понимание чести; 4) пересмотр соотношения Гринёва и Швабрина как героев-двойников.

Как известно, вместе с ростом исторического сознания (с 1823 г.), Пушкин продолжает размышлять о возможной социальной революции, и у него формируется идея «революции сверху», о которой Н.Я. Эйдельман подробно рассказывает в своей статье «Пушкин о французской и русской революции». Пушкин уверен, что существует три главных движущихся силы страны, которые взаимодействуют друг с другом: государство как «роковая власть», «народная, крестьянская стихия» и, наконец, третья «численно небольшая, но очень важная, потенциально способная чрезвычайно усилить власть и народ» – «мыслящее меньшинство», образованный слой, представленный прежде всего дворянством» [\[14, с. 332\]](#). Сам Пушкин, по утверждению Б.В. Томашевского, заявлял о своей принадлежности к дворянству (а не «помещикам») «еще в романтический период в письмах Бестужеву и Рылееву из Михайловского» [\[12, с. 190\]](#). Несмотря на то, что политические проекты Пушкина, выдвинутые в его черновых записях, по оценке

Томашевского, наполнены «увлечением патриархальным идеалом утопического дворянского романтизма» [\[12, с. 192–195\]](#), нам ясно, что писатель относится к дворянству с личным пристрастием и высокими социальными ожиданиями, гордится своим старинным дворянским родом, считая, что только «дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим» [\[15, с. 136\]](#).

Однако в реальности Пушкин сталкивался с печальным фактом – постепенным упадком этого благородного сословия, об этом он писал в 1830 г.: «Я сожалел, видя, как древние дворянские роды уничтожились, как остальные упадают и исчезают, как новые фамилии <...> падают, ничем не огражденные, и как имя дворянина, час от часу более униженное, стало наконец в притчу и посмеяние разночинцам» [\[15, с. 136\]](#).

Одной из наиболее волнующих проблем для Пушкина в 1830 гг. становится нравственный кризис современников-дворян, который прямо отражается в изменении иногда даже исчезновении выработанного в начале XIX века сурового представления о чести в практике дуэли. Этот вопрос тщательно рассматривается в работе Я.А. Гордина в главе «Агония дворянской чести»: в связи с принятым в 1829 г. решением императора Николая I ликвидировать «полномочия офицерских собраний выносить приговоры по делам чести» начала меняться общественная атмосфера: значимость личной чести и личного долга стали снижаться, офицеры уже не так боялись или стыдились бесчестия, публичного скандала, поскольку это не наносило ущерба для положения или будущей карьеры, более того, отказ от участия в поединке стал возможен, и решение дела чести прилично стало отдавать в руки правительства (см.: [\[10, с. 98–100\]](#)). Как следствие, по выражению Гордина, в обществе «торжествовала не столько дуэльная, сколько хамская стихия. Наглая грубость заменяла гордость» [\[10, с. 101\]](#). Для аргументации своих наблюдений Гордин приводит в пример многие реальные события, в том числе и гибель знакомого Пушкина А.А. Шишкова: в 1832 г. оскорбленный в ссоре Шишков вызывал Чернова на дуэль, но последний отказался. Чтобы заставить противника драться, Шишков дал ему пощечину, Чернов молча побежал домой за кинжалом, затем вернулся и, подождав, пока Шишков появился у крыльца, бросился на него и зарезал (см.: [\[10, с. 104\]](#)).

Пушкин, чутко отзывался на происходящее вокруг. Так, в конце 1836 г., в письме П.Я. Чаадаеву он писал: «Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; <...> как человека с предрассудками – я оскорблен» [\[16, с. 689\]](#). Одним из главных «предрассудков» Пушкина «было представление о чести как абсолютном регуляторе поведения – личного, общественного, политического» [\[10, с. 14\]](#).

Стоит подчеркнуть, что пушкинское понимание чести не имеет того сословного характера с присущей ей ритуальностью, которые он обнаружил в представлении древнерусского общества о чести. В одной из заметок 1827 г. писатель так рассуждал о чести в древнерусском обществе: «Иностранцы, утверждающие, что в древнем нашем дворянстве не существовало понятия о чести (point d'honneur), очень ошибаются. Сия честь, состоящая в готовности жертвовать всем для поддержания какого-нибудь условного правила, во всем блеске своего безумия видна в древнем нашем местничестве. Бояре шли на опалу и на казнь, подвергая суду царскому свои родословные распри» [\[15, с. 41\]](#). Пушкинское понимание чести всегда связано с «достоинством личным», которое он поставил выше «знатности рода» (об этом см.: [\[15, с.](#)

[136\]](#)). В заметке «О дворянстве» (1830) «честь» трактуется Пушкиным как высшая ценность человека («Чему учится дворянство? Независимости, храбрости, благородству (честь вообще)») [\[17, с. 105\]](#).

Возвращаясь к «Капитанской дочке», вышеизложенное дает нам основание для возможного двойного истолкования смысла дуэли между Гриневым и Швабриным. Имеется в виду, что Пушкин проецирует на событие XVIII века свои, характерные для XIX века наблюдения над делом чести, и подсказывает свой призыв к «чести» в эпиграфе ко всему роману (о том, что «в сцене знакомства Швабрина и Гринева громко звучит следующий, XIX в.» можно см.: [\[18, с. 289–290\]](#)). Известно, что повествование в «Капитанской дочке» усложняется по мемуарной форме, существуют три возможных субъекта наррации: молодой Гринев как участник всех этих событий, автор мемуаров Гринева, и сам Пушкин. В связи с этим, многие ученые акцентируют внимание на функции эпиграфов в романе, считая их «смысловым ключом произведения» [\[8, с. 66\]](#). В.С. Листов в своей статье, посвященной истолкованию эпиграфов романа, считает, что отношение Пушкина к смыслу рассказа раскрывается «только в эпиграфах» [\[19, с. 123\]](#).

Отношения Гринева и Швабрина часто рассматриваются как отношения героев-антагонистов (например: [\[6, с. 213\]](#); [\[20, с. 66–67\]](#); [\[21, с. 213\]](#)). Как известно, первоначальный замысел «Капитанской дочки» был связан с конкретным историческим фактом – переходом дворянина-офицера Шванвича на сторону Пугачева. Образ этого героя менялся по мере развития замысла, и в окончательном тексте «образ офицера-изменника как бы раздваивается» [\[6, с. 213\]](#): один – представитель петербургской «новой знати», другой – преемник поместного «фрондирующего» дворянства» [\[6, с. 217\]](#), выросший в старинной патриархальной семье.

Признавая справедливость наблюдений ученых, в то же время, мы полагаем, что возможна и другая точка зрения на отношения Гринева и Швабрина – герои-двойники. Подобный пересмотр соотношения Гринева и Швабрина появляется в недавней статье О.В. Богдановой, в которой исследовательница показывает, что Пушкин на самом деле «намеренно уподобляет героев, обнаруживая противоречивость их характеров, ставя их в сходные ситуации, сталкивая в одном – любовном конфликте» [\[21, с. 12\]](#). Наша позиция заключается в том, что Пушкин разделяет единого романного героя на *интеллектуальное* начало (Швабрин) и *этическое* начало (Гринев), которые могли и должны бы дополнить друг друга, однако ставит их в конфликтное положение (соперники в рамках любовной линии сюжета). Писатель, с одной стороны, показывает, к какому опасному пути бесчестия может привести оторванная от корней, ни на что не опирающаяся интеллектуальность (наглый клеветник, интриган – жестокий убийца – и далее, презренный предатель), с другой – какую силу может обрести человек с нравственным началом, что позволяет ему не только *не поддаться* обстоятельствам, но и *возвыситься* над ними.

«Я жил недорослем, гоняя голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками <...>» [\[13, с. 260\]](#), – не случайно главный герой представлен в образе семнадцатилетнего мальчика с явной сниженной интеллектуальностью, что особенно очевидно, если сопоставим с первоначальным замыслом писателя. Здесь нам трудно полностью согласиться с объяснением Шкловского, что писатель «переделал сюжет, так как нашел для него новый центр – характер Пугачева» [\[8, с. 57\]](#). Юный возраст и беспечное детство героя – жизненная неопытность; «напутствии старого Гринева "Береги <. . .> честь

смолоду”» – дает герою лишь абстрактный «нравственный ориентир» (см.: [\[11, с. 273\]](#)). Писатель как будто намеренно *редуцирует* или *ослабляет* другие факторы, влияющие на решения героя, кроме его врожденной нравственности. Юный Петруша смотрит, учится, вбирает в себя черты окружающих, однако каждый раз сталкиваясь с неожиданным кризисным обстоятельством, герой принимает решения своей «живой даровитой душой» [\[22, с. 234\]](#). Именно этим объясняются его сближение и затем расхождение со Швабриным.

Стоит отметить, что образ Швабрина в романе дан через призму субъективного восприятия Гринева, что во многом объясняет «однозначность и однокрасочность» [\[23, с. 39\]](#) его изображения в романе как неразвивающегося, «готового» персонажа [\[24, с. 136\]](#). Однако, исходя из позиции того, что отношения Гринева и Швабрина можно рассматривать как героев-двойников, заметим, что Швабрин оказывал значительное влияние на героя в начале их знакомства: «Швабрин был очень неглуп. Разговор его был остер и занимателен» [\[13, с. 277\]](#); «У Швабрина было несколько французских книг. Я стал читать, и во мне пробудилась охота к литературе» [\[13, с. 280-281\]](#); «Другого общества в крепости не было, но я другого и не желал»; «Итак, переписав мою песенку, я понес ее к Швабрину, который один во всей крепости мог оценить произведения стихотворца» [\[13, с. 281\]](#) – несмотря на добрые отношения с остальными жителями Белогорской крепости, Швабрин единственный, с кем Гринев нашел общий язык. Старший остроумный гвардеец-дворянин как будто учит юного наивного недоросля, который мог бы повторить его гвардейскую карьеру. Это проявляется, например, в том критикуя Петрушины стихи, Швабрин обычно «снисходительно» относится к Гриневу.

В то же время развязность и цинизм Швабрина отталкивают Гринева (герой ненавидел «всегдашние шутки» Швабрина относительно семьи коменданта, особенно «колкие замечания» о Маше, и в конечном счете «час от часу беседа <...> становилась <...> менее приятною») [\[13, с. 277\]](#), в чем проявляется его способность самостоятельного суждения. Узнав о симпатии Гринева к Маше, Швабрин стал совсем озлобленным, он бесстыдно порочил репутацию невинной Маши даже прямо перед семьей коменданта, употребляя «светское общение», которое основано «на игре слов, злоязычии, подтекстовом диалоге» [\[25, с. 116\]](#) и которому он пытался научить Гринева, и как следствие, вызвал у героя глубокие негодование и ненависть («Бесстыдство Швабрина чуть меня не взбесило; но ни кто, кроме меня, не понял грубых его обиняков») [\[13, с. 282\]](#).

Переходим к анализу эпизоду дуэли, действительно, иронический оттенок ее описания ощущается уже в эпиграфе, взятом из комедии Я.Б. Княжнина «Чудаки»: «– Ин изволь и стань же в позитуру. / Посмотришь, проколю как я твою фигуру!» [\[13, с. 282\]](#). Особенно комичным (но и одновременно добродушным) показаны прерывание и вмешательство Василисы Егоровны: в самый момент, когда Гринев и Швабрин «обнажили шпаги», их окружили Иван Игнатьич и пять солдат-инвалидов; вернувшись в крепость, их шпаги были взяты Палашкой и отнесены в чулан; затем «комендантша» как примиритель, практически не имеющая понятия о подлинной причине их конфликта, заставила героев «друг друга поцеловать» [\[13, с. 286\]](#).

Однако причина дуэли на самом деле серьезная для обеих сторон: Швабрину нужно через нее смыть оскорбление, полученное от семнадцатилетнего мальчика (Ты лжешь, мерзавец! <...> ты лжешь самым бесстыдным образом) [\[13, с. 286\]](#), а Гринев – защищает честь и репутацию невинной дамы.

Вспомним о пушкинском понимании чести («Чему учиться дворянство? Независимости, храбрости, благородству (честь вообще)» [17, с. 105], оно проявилось во всех деталях поведения Гринева в конфликте со Швабриным: в переговорах с секундantom Иваном Игнатьичем, которые закончились решительным отказом последнего, «рассуждения благоразумного поручика не поколебали» [13, с. 283] юного героя, и добродушное вмешательство Василисы Егоровны только сделало героев «по-видимому примиренными», Гринев настоял на своем решении («Наше дело этим кончиться не может» [13, с. 286], – сказал герой Шабрину); узнав о настоящей причине «упорного злоречия» Швабрина по отношению к Маше желание «наказать дерзкого злоязычника» [13, с. 287] сделалось в Гриневе еще сильнее; в конце концов, храбрость героя проявлена во время дуэли – показалось, что если бы не появился Савельич, герой был победил («приметь, что Швабрин ослабевает, я стал с живостию не него наступать и загнал его почти в самую реку» [13, с. 287]). Судя по всему, Гринев не только не нарушил отцовский завет, но и по-своему выполнил его, «никем не наученный», герой «чудеснейшим образом умеет сберечь свою честь» [26, с. 220], что и получит продолжение и в последующих событиях романа (по отношению к обеим властям, к царице и к самозванцу»).

Таким образом в данной статье утверждается, что дуэль между Гриневым и Швабриным в «Капитанской дочке» не только является воссозданием ситуации периферийного бытового поединка во время Пугачевского восстания, но и оказывается своего рода изображением современности. Двойное истолкование смысла дуэли осуществлено с учетом разных контекстов художественного произведения: исторического (отражение нравственного кризиса дворянства 1830 гг. в изменении дуэльного сознания); биографически-бытового (личное отношение писателя к дворянству, также его понимание чести); литературного (пересмотр соотношения дуэлянтов как героев-двойников). «Честь» – это заветное слово, появившееся в эпиграфе ко всему роману, представляется ключевым концептом, позволяющим связать историю и современность. Дуэль в романе «Капитанская дочка» оказывается призывом Пушкина к сохранению и утверждению чести как высшей ценности человека.

Библиография

1. Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960-1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб.: Искусство, 1995. – 845 с.
2. Сидяков Л. С. Художественная проза А. С. Пушкина. Рига, 1973. – 218 с.
3. Макогогенко Г. П. «Капитанская дочка» А. С. Пушкина. Л.: Художественная литература, 1977. – 108 с.
4. Петров С. М. Русский исторический роман XIX века [Текст]. М.: Худож. лит., 1964. – 439 с.
5. Макогоненко Г. П. Исторический роман о народной войне // Пушкин А. С. Капитанская дочка. Л.: Наука, 1984. С. 200–232.
6. Степанов Н. Л. Проза Пушкина. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 300 с.
7. Вацура В. Э. Из историко-литературного комментария к стихотворениям Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. Т. 12. С. 305–323.
8. Шкловский В. Б. Заметки о прозе русских классиков. М.: Советский писатель, 1953. – 324 с.
9. Мейлах Б. С. Пушкин и его эпоха. М.: Гослитиздат, 1958. – 698 с.
10. Гордин Я. А. Дуэли и дуэлянты: панорама столичной жизни. СПб: Пушкинский фонд,

2002. – 284 с.

11. Петрунина Н. Н. Проза Пушкина: (Пути эволюции). Л.: Наука : Ленингр. отд-ние, 1987. – 333 с.

12. Томашевский Б. В. Пушкин: Материалы к монографии (1824–1837). Кн. 2. М; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 575 с.

13. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 томах. Т. 6. Л.: Наука, 1978. – 577 с.

14. Эйдельман Н. Я. Статьи о Пушкине. М.: Новое лит. обозрение, 2000. – 455 с.

15. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 томах. Т. 7. Л.: Наука, 1978. – 545 с.

16. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 томах. Т. 10. Л.: Наука, 1979. – 713 с.

17. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 томах. Т. 8. Л.: Наука, 1978. – 417 с.

18. Листов В. С. Голос музы темной... К истолкованию творчества и биографии А. С. Пушкина. М.: Жираф, 2015. – 416 с.

19. Листов В. С. К истолкованию эпиграфов «Капитанской дочки» // Пушкин и мировая культура: Материалы шестой Международной конференции. Крым, 27 мая–1 июня 2002 г. Санкт-Петербург, Симферополь, 2003. С. 23 –130.

20. Благый Д. Д. Социология творчества Пушкина: Этюды. Изд. 2-е, доп. М.: Мир. 1931, – 293 с.

21. Богданова О. В. Проблемы современной интерпретации классических текстов («Капитанская дочка» А. С. Пушкина в школе и в вузе) // Книжная культура дальневосточного региона: проблемы истории, методики, межкультурной коммуникации: сборник статей, 21–22 ноября 2019. Хабаровск, 2020. С. 12–23.

22. Чайковская О. Гринев // Новый мир. 1987. № 8. С. 226–244.

23. Макогоненко Г. П. «Капитанская дочка» А. С. Пушкина. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1977. – 108 с.

24. Архангельский А. Н. Герои Пушкина: Очерки литературной характерологии. М.: Высш. шк., 1999. – 285 с.

25. Юхнова И. С. Образ Швабрина: особенности речевого поведения // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2-2. С. 114–117.

26. Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении. «Повести Белкина» и «Пиковая дама» [Текст] / ; [пер. с нем. А. И. Жеребина]. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2013. – 354 с

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

История русской классической литературы постоянно находится в интенсиве коррективы, будь то XX или XIX век. Повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка» не является исключением, так как этот текст знаков для русской литературы, интересен для рецепции / восприятия. Однако уже многое сделано в массе критических источников, многое уже проанализировано и уточнено. Отмечу, что рецензируемый материал имеет слабо научный вид, серьезного, нового изыскания в работе нет. Начиная с заглавия – «К вопросу о теме дуэли...», причем в «романе», заканчивая буквально финалом «честь» – это заветное слово, появившееся в эпиграфе ко всему роману, представляется ключевым концептом для истолкования художественной функциональности дуэли, позволяет связать историю и современность. Дуэль в романе «Капитанская дочка» оказывается призывом Пушкина к сохранению и утверждению чести как высшей ценности человека». Явная несуразность заметна сразу, основной тематический пласт

практически и не раскрыт по ходу повествования. Неплохо, что в статье даются буквальные ссылки на труды Б.В. Томашевского, Д.Д. Благого, Ю.М. Лотмана, Я.А. Гордина, Г.П. Макогоненко, С.М. Петрова, В.Э. Вацуро и др. исследователей, но в работе столь велика зависимость от «уже сказанного», что авторская точка зрения несколько нивелируется. Этого не должно быть, наоборот автору следует сложнее обозначать свой взгляд на проблему, стараться аргументировано его пестовать. Отмечу также, что материалу явно не хватает объема, работу нужно расширять! Стиль в принципе соотносится с научным типом, например, «статья Ю.М. Лотмана «Идейная структура "Капитанской дочки"» внесла важный вклад в понимание смысла романа. Ученый разделяет «художественную ткань» романа на «два идейно-стилистических пласта» (или мира) – дворянский и крестьянский, и выдвигает гипотезу о том, что настоящий пафос романа заключается в возвышении «гуманности и человеческого достоинства» над социально-исторической условностью (см.: [1, с. 212–227]). Разделяя мнение Лотмана, мы акцентируем внимание на конфликте между Гриневым и Швабриным, закончившемся дуэлью (в 3-й и 4-й главах романа), считая, что его идейно-смысловое содержание не выявлено с достаточной полнотой», или «Стоит подчеркнуть, что пушкинское понимание чести не имеет того сословного характера с присущей ей ритуальностью, которые он обнаружил в представлении древнерусского общества о чести. В одной из заметок 1827 г. Пушкин так рассуждал о чести в древнерусском обществе: «Иностранцы, утверждающие, что в древнем нашем дворянстве не существовало понятия о чести (point d'honneur), очень ошибаются. Сия честь, состоящая в готовности жертвовать всем для поддержания какого-нибудь условного правила, во всем блеске своего безумия видна в древнем нашем местничестве. Бояре шли на опалу и на казнь, подвергая суду царскому свои родословные распри» и т.д. Некоторые купюры нужно разбавить аналитическим комментарием, он явно необходим: например, «возвращаясь к «Капитанской дочке», отметим, что вышеизложенное дает нам основание для возможного двойного истолкования дуэли между Гриневым и Швабриным: она не только является изображением прошлого, но и отражением настоящего, в ней скрыт призыв Пушкина к высшей ценности – «чести». Здесь стоит отметить комментарий В.С. Листова, сделанный по поводу знакомства Швабрина с Гриневым. Войдя в комнату героя, Швабрин сразу заговаривает по-французски, исследователь считает, что эта деталь не соответствует историческому контексту описываемых событий, ведь в начале 1770-х гг. французский язык был далеко не так широко распространен среди российских дворян...» и т.д. Материал, на мой взгляд, имеет эмпирический характер, в нем нет должной научной конкретизации, теоретическая составляющая нивелирована. Тема работы в принципе интересна, но ее нужно более тщательно продумать, высветить концепцию, определиться и с методологией. Основная часть исследования должна быть аналитически выверена, нужно усложнить и заключительный блок. Таким образом, статья «К вопросу о теме дуэли в романе «Капитанская дочка» А.С. Пушкина» не может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «К вопросу о теме дуэли в романе «Капитанская дочка» А. С. Пушкина» актуальна уже по той причине, что данное произведение является одним из ключевых текстов русской культуры, входит в школьную программу, в круг подросткового чтения.

«Капитанская дочка» имеет богатую традицию научного изучения, что ставит исследователя в сложную позицию – он должен не повторить уже сказанное, а отчетливо сформулировать приращение нового знания, найти новый подход, осуществить новую интерпретацию. Автору статьи удалось по-новому осмыслить эпизод дуэли, рассмотреть его смысл в контексте проблемы чести, заявленной в эпиграфе. По мнению автора, возможно двойное истолкование эпизода дуэли между Гриневым и Швабриным: и как события исторического прошлого, и как «характерные для XIX века наблюдения над делом чести».

Статья хорошо фундирована, отличается тщательным изучением трудов предшественников. При этом автор статьи не просто реферирует имеющиеся точки зрения, но выявляет лакуны, полемические моменты, формулирует свою позицию. В частности, он обращает внимание на то, что, на первый взгляд, периферийный эпизод дуэли важен не только для обозначения межличностного конфликта, но как бы подсвечивает основное событие – Пугачевский бунт. Продуктивной представляется мысль о том, что «Пушкин разделяет единого романного героя на интеллектуальное начало (Швабрин) и этическое начало (Гринев), которые могли и должны бы дополнить друг друга, однако ставит их в конфликтное положение (соперники в рамках любовной линии сюжета). Писатель, с одной стороны, показывает, к какому опасному пути бесчестия может привести оторванная от корней, ни на что не опирающаяся интеллектуальность (наглый клеветник, интриган – жестокий убийца – и далее, презренный предатель), с другой – какую силу может обрести человек с нравственным началом, что позволяет ему не только не поддаться обстоятельствам, но и возвыситься над ними». Вне поля зрения автора остается аспект противостояния героев как творческих личностей, но это может стать перспективой исследования.

В статье последовательно выдерживается научный стиль, сформулированы «основные аспекты проблематики», которые определили структуру статьи. Среди них – отношение Пушкина к дворянству, нравственный кризис дворянства 1830 гг., пушкинское понимание чести, рассмотрение образов Гринева и Швабрина как героев-двойников. Эти аспекты позволили обосновать мысль о возможности двойного истолкования эпизода дуэли, показать, как Пушкин включает в него мотивы, важные для его нравственной позиции, для его понимания дворянской чести. В связи с этим в работе уместно приводятся рассуждения поэта о чести в древнерусском обществе, даются отсылки к работам Я. Гордина, Н. Эйдельмана и др.

Таким образом, данная статья станет хорошим дополнением к уже имеющимся исследованиям проблематики и поэтики «Капитанской дочки». В ней решается частная проблема, но эта проблема уточняет идейную структуру произведения.

В качестве замечаний можно указать не некоторые стилистические погрешности (например, «Это проявляется, например, в том критикуя Петрушины стихи, Швабрин обычно «снисходительно» относится к Гриневу»). Они не искажают смысл, не являются частотными.

Все вышесказанное позволяет рекомендовать статью к публикации.